

К. А. Свасьяна ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1996. – С. 5-237.

7. Садлер У. А., Джонсон Т. Б. От одиночества – к аномии / У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон ; [пер. И. Косивой, О. Таканской] // Лабиринты одиночества : пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М. : Прогресс, 1989. – С. 21-51.

8. Штирнер М. Единственный и его собственность / Макс Штирнер. – Харьков : Основа. – 1994. – 542 с.

9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; [пер. с нем.]. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с. – (Мыслители XX века).

Доний Н. Е. Одиночество как территория риска общественной жизни человека.

Последние десятилетия доказали, что одиночество предстает как одна из проблем, требующих разрешения по причине ряда угрожающих последствий. Автор, анализируя процесс разрастания одиночества на рубеже XX-XXI вв., пытается выделить те его черты, на которые опирается в своем развитии эпифеномен

«социальная девитализация личности», опасность которого заключается в падении жизнеспособности человека, и, как результат, социума.

Ключевые слова: Другой, коммуникация, одиночество, селф, социальная девитализация личности.

Doniy N. Loneliness as a territory of risk of a human social life.

Recent decades have proved that loneliness appears as one of the problems requiring immediate attention due to a number of threatening consequences. The author by analyzing the process of expansion of loneliness at the turn of XX-XXI centuries, makes attempts to distinguish its features, which rely on its development epiphenomenon of «social devitalization of personality», the danger of which is falling vitality of a human being, and, as a result, society.

Keywords: Another, communication, loneliness, self, social devitalization of personality.

Надійшла до редколегії: 14.01.2014 р.

УДК 165.4

С. В. Дрогунов

Институт философии Российской академии наук (г. Москва)

**ИСТИНА В ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: ТРИЕДИНЫЙ ПОДХОД
К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

*Amicus Plato, sed magis amica veritas.
Aristotle*

*Истина — идеал, который можно защищать, даже хотя и не существует общего критерия истинности.
Альфред Тарский*

Статья посвящена истине как узловому теоретико-познавательному концепту эволюционной эпистемологии — современного направления философии науки, которое как точка слияния биологического и духовного путей развития поспособствовало синтезу познания (духовной деятельности) и эволюции (способу становления). Эволюционная эпистемология проливает свет на проблему детерминации истины позиции теории эволюции в купе с такими аспектами (эволюция, естественный отбор, адаптация, пригодность), единство и диалектичность которых нашли отражение не только в отечественной научной литературе, но и англоязычных трудах, определённый объём которых анализируется в настоящей работе. Предлагаемое понимание истины под триединым углом зрения позволяет осмыслить истину как в философском, так и естественно-научном ключе.

Ключевые слова: истина, эволюция, жизнь, субъект познания, когнитивный аппарат, естественный отбор, достоверность, пригодность, адаптация.

Истина есть абсолютная цель познания; она по праву является краеугольным камнем актуальной научно-методологической парадигмы философии науки, зародившейся в лоне исследовательских традиций Запада и, впоследствии, получившей ключевой

импульс своего развития в отечественной научно-философской мысли, — эволюционной эпистемологии. *Quinta essentia* и предметно-проблемное поле данной парадигмы берут идеологические истоки от трёх научных теорий: эволюционной теории познания (ЭТП),

эволюционной теории науки (ЭТН), теории происхождения и эволюции видов, или теории эволюции (ТЭ). Интеграция указанных, *a prima facie* разнохарактерных, течений в монолитную, отчасти эклектичную, доктрину представляется многообещающим триединым подходом в детерминации истины как теоретико-познавательного концепта, т. к. в основу такой детерминации кладётся методологическая многоаспектность: истина анализируется с позиций когнитивной биологии и эволюционной психологии, генетики, этологии и теории происхождения видов; сопоставляется с такими понятиями, как «естественный отбор», «пригодность», «адаптация» и т.п. На значимости такого подхода сделал акцент уже один из родоначальников эволюционной эпистемологии Г. Фоллмер, именуя последнюю «биологической теорией познания» и отмечая, что она «объединима ... не только с биологическими фактами и теориями, но также с новейшими результатами психологии восприятия и познания» [19, с. 39-40].

Таким образом, вырабатываемый триединый подход к анализу и интерпретации истины сквозь призму синтеза когнитивных практик (как междисциплинарной интеграции областей знания) отличается плюрализмом ключевых преимуществ: отвечает последним идеологическим тенденциям современной науки; оправдывает мыслительскую инициативу представителей эволюционной эпистемологии; а также обуславливает философскую актуальность проблематики настоящей работы.

Проблема понимания истины в рамках эволюционной теории познания

Вопрос «Что есть истина?» встал, как *Damoclis gladius*, перед мыслителями задолго до становления теории познания в качестве самостоятельного раздела философии. За мнимой незамысловатостью в определении истины скрыты камни преткновения — критерии по её детерминации; именно необходимость ратификации последних каталитически повлияла на появление многообразия научных теорий. Так, благодаря мыслительству античных философов, получила развитие корреспондентная теория (или классическая теория соответствия) истины, согласно которой критерий истины — максимально адекватное соответствие между мыслью и отображаемым ею (заключённым в ней) фрагментом реальности. Переход же философии науки к неклассическому периоду развития спровоцировал расширение спектра концепций по интерпретации истины целой плеядой мыслителей, деонтологизирующих рассматриваемую философом.

Особого внимания заслуживает влиятельная концепция рационалистического характера, именуемая «натуралистическим поворотом».

Её стержневые направления: ЭТН (К. Поппер, Ст. Тулмин), ставящая во главу угла анализ генезиса научных теорий, идей, гипотез и их последующую эволюцию, и ЭТП (К. Лоренц, Г. Фоллмер), исследующая влияние биологических аспектов на когнитивную деятельность субъекта познания и объясняющая, по Г. Фоллмеру, «не эволюции человеческого познания, а только эволюции наших когнитивных способностей» [18].

Герольдом ЭТП принято считать основоположника этологии, австрийского зоолога, лауреата Нобелевской премии по физиологии и медицине (1973 г.) К. Лоренца, выдвинувшего на основе своих наблюдений следующую гипотезу: в особенностях поведения (повадки, манеры, привычки) между животными, выращенными в домашних условиях, с одной стороны, и особями, развивающимися в дикой среде, с другой, — имеют место общие стереотипы. Отталкиваясь от такой презумпции, учёный сделал ещё один смелый шаг, утверждая: у каждого вида особей имеют место врожденно-фенотипические инстинктивно-поведенческие мотивы, генетически опосредованные и обусловленные эволюцией. Фундаментальный вывод исследователя: рассматриваемые мотивы — результат приспособления, или эволюционной адаптации, живых организмов к константно изменяющимся условиям среды обитания. Что из этого следует?

Для поддержания своей экзистенции с последующей репродукцией поколения, способного выстоять на «жизненном ристалище», живым организмам одинаково важны как процесс адаптации и естественный отбор, так и собственно истина. Почему? Первая категория факторов влечёт приобретение и аккумуляцию информации о реалиях внешнего мира, её фиксирование на генетическом уровне и последующую трансляцию потомкам. Но факт сохранения популяцией своей экзистенции на протяжении долгих лет, наличия многовековой истории существования рода (с поправкой на незначительные флуктуации свойств и признаков входящих в него видов) даёт основания утверждать: приобретённое знание обладает важнейшим свойством — истинностью. Стало быть, для выживания необходимо обретение истины, равно как и сама истина. Следовательно, К. Лоренц признавал-таки возможность познания истины и в процессе научного жизнетворчества впервые рационально обосновал природу стремления живых существ к познавательной деятельности и активности — имманентной потребности в обретении истины. Более того, учёный-этолог полагал, что способность к познанию есть «заслуга» врожденного, отражающего внешний мир когнитивного аппарата, постепенное морфологическое развитие которого

разворачивалось в анналах человеческого рода, давая возможность приближения к истине как внесубъективной реальности.

Понимая, что познание истины напрямую коррелирует с условиями, при которых оно происходит, К. Лоренц выдвинул ещё одну фундаментальную гипотезу: разум субъекта познания вкупе с когнитивным аппаратом эволюционно организованы исключительно таким образом, чтобы не вступать в диссонанс с той областью объективной реальности, в которой им приходится функционировать и развиваться. Здесь учёный-этолог вплотную подходит к понятию «мезокосмос», впоследствии основательно обоснованному в философии Г. Фоллмера: «Каждый организм ... имеет свою собственную когнитивную нишу... Наш мезокосмос есть... часть реального мира, которым мы овладеваем, воспринимая и действуя сенсорно и моторно» [18].

Следовательно, истинное знание как информационный массив-потенциал наполняет «сосуд» мезокосмоса, т.е. балансирует в условных рамках адаптационных уровней когнитивного аппарата. Совокупность последних и составляет плоскость тех масштабов, в разрезе которой, приспособившись, вынужденно находится наша интуиция: средние — расстояния и длительность времени, относительные — скорости и воздействующие силы, низкая сложность. Справедливости ради стоит отметить долю релятивизма в ЭТП и признать допущение в ней экстерналистских идей, т.к., согласно К. Лоренцу, «немногие отдадут себе ясный отчёт в том, в сколь высокой степени социальные и культурные факторы воздействуют на ... всё, что мы считаем истинным, правильным, достоверным и действительным» [8, с. 399].

Переходя к непомерным заслугам Г. Фоллмера, заключающимся в анализе вопросов истинности и объективности получаемой информации, в теоретизировании идей эволюционной эпистемологии, важно особо отметить, что он — человек, в котором сроднились два гения: физики и философии, который предпринял попытку возведения «связующих мостов» между естествознанием и социально-философской сферой.

Мыслитель полагал: результат взаимодействия реального мира и когнитивного аппарата (дихотомия объективных и субъективных структур) — основа для возникновения человеческого познания. Следовательно, познание — следствие сложного, инвариантного во времени процесса, основанного на отношениях типа «субъект-объект». Е. Н. Князева отмечает: К. Лоренц, Г. Фоллмер и их последователи «показали, что познание и знание не есть результат произвольного конструирования мира. Это

форма приспособления живого организма к окружающему миру, выработанная долгим эволюционным путём» [7, с. 14].

По Г. Фоллмеру, в контексте эволюционной эпистемологии истина не обладает безусловной детерминацией. В связи с чем можно сформулировать ряд критериев по установлению объективного аспекта познания с целью выделения самостоятельных трактовок в понимании последнего на различных вехах эволюции науки: наивный реализм (истина абсолютна, будучи установленной критерием очевидности); критический реализм (истина не абсолютна; в истинности получаемого знания есть элемент субъективности); гипотетический реализм (признаётся частичная, дискретно-фрагментарная познаваемость мира; никакая истина, претендующая на объективность, не может носить абсолютный характер) и т.д.

Отстаивая точку зрения, что абсолютная адаптация субъекта познания и его когнитивного аппарата к условиям внешнего мира принципиально неосуществима, Г. Фоллмер выступает приверженцем взглядов о структурном тождестве в когнитивно-биологическом развитии (т.н. гипотеза изоморфизма), где аспект гипотетичности объективности истинного знания получает очередное подтверждение. Истина есть, но гаранта её достижения на настоящем этапе эволюции нет. Даже обладая частью реальной истины, допуская возможность объективного познания, мы не смогли бы привести доказательства в пользу последнего, что свидетельствует о наличии окончательной границы индивидуального познания, внимание на которой сакцентировал ещё Ксенофан, а впоследствии К. Поппер и др.

Получается, причиной тому, что приобретаемые *a posteriori* фрагменты информации о внешнем мире суть относительно-истинны, выступает искажающая призма восприятия субъектов познания. Основываясь на данном обстоятельстве, Г. Фоллмер (для которого истина — инструмент объективного познания) кладёт в основу своей интерпретации следующие аспекты: с одной стороны — понятие историзма, а с другой — релятивизм и явление «доверия субъекту», вовлечённому в когнитивную деятельность. Но, неустанно приближаясь к разгадке тайны познания истины, исследователь так и не осмелился дать чётко-однозначного толкования анализируемой философеми.

Проблема истины в контексте эволюционной теории науки

Основное содержание ЭТН вбирает в себя идеи двух знаковых фигур своего времени — К. Поппера и Ст. Тулмина.

Именитый философ и социолог австрийского происхождения, основоположник концепции критического рационализма К. Поппер в

своём *tagmatis oris* «Объективное знание. Эволюционный подход» сформулировал знаменитую концепцию «третьего мира» [11, с. 108-123], рассматривающую науку как сферу объективного знания. «Третий мир» предстаёт закономерным результатом развития когнитивных способностей, но основной акцент падает на проблемы эволюции научных теорий. Знание, которым мы действительно обладаем, знание истинное, получено вне чувственного опыта, будучи предшествующим ему и закреплённым на генетическом уровне с возможностью трансляции в рамках наследственности. Опираясь на свои поэтапные рассуждения, К. Поппер заключает: вся апостериорная информация, в силу гипотетичности, необъективна и не может притязать на истинность; но путь к обретению истины пролегает в русле эмпирической верификации приобретаемого знания, т.к. ведёт к знанию *a priori*.

Следуя К. Попперу, можно сделать вывод: процесс научного познания — путь к истине, трудный и тернистый. Т.к. когнитивная эволюция способствует аккумуляции знания *a priori*, фиксации на генетическом уровне с возможностью извлечения в перспективе через посредство чувственно-ограниченного опыта для выживания во внешнем мире, то и сама жизнь «сегодня» должна быть адаптирована к будущим условиям окружающей среды «завтра», а всеобщее знание — иметь место быть раньше, чем текущее. «Основополагающий тезис в теории познания: знание обладает высокой степенью всеобщности, является ... предугадывающим надолго вперёд окружающую среду» [12], — подводит черту К. Поппер в понимании природы человеческого познания и истины.

Далее, Ст. Тулмин — определяющая личность антипозитивистского мышления в англо-американской философии науки; профессор; позиционирует себя одним из лидеров историко-эволюционной школы.

Выступая наряду с именитым визави Г. Фоллмером, сторонником гипотетического реализма, проводит водораздел между сутью дилеммы «доверия субъекту» и классическим пониманием как актом постижения истины: понимание — оценочная процедура познавательного процесса и должно учитывать не только возможности когнитивного аппарата, но и ключевые аспекты мировосприятия. Здесь философ берёт крен в сторону от традиционнаучного догматизма, отмечая, что «вместо неизменного разума, получающего команды от неизменной природы посредством неизменных принципов, мы хотели бы найти изменчивые познавательные отношения между изменяющимся человеком и изменяющейся природой» [16, с. 41].

Быть может, рефлектируя над взаимозависимостью между различными историческими обстоятельствами-фактами и средой обитания, Ст. Тулмин в своём учении не стал оперировать концептом «истина» *per se*, апеллируя к принципиальной невозможности детерминации её модусов — универсальных критериев. Следовательно, и в ЭТН неизбежно содержатся черты научного релятивизма: на истину всегда будет наложен «социокультурный трафарет».

Связь истины с аспектами эволюции как парадигмы развития в науке и философии

Рассмотрим проблему истины в контексте явления коэволюции.

Во-первых, стремление к истине имманентно, поскольку «модифицируется» не только субъект познания, приспособляясь к константно изменяющимся условиям своей экзистенции, — сама истина эволюционирует, представляя собой внушительный объём информации о внешнем мире, который субъект познания обязан не только получить и переработать, но генетически зафиксировать и наследственно транслировать последующим поколениям с целью обеспечения их выживания по пути восхождения к вершине познания — абсолютной истине. Такая коэволюция истины и субъектов познания происходит за счёт явлений биологической и социокультурной адаптаций, пополняющих с каждым последующим поколением общий популяционно-видовой генофонд новым знанием (относительными истинами) об особенностях структурности мироустройства и влияния на живой организм происходящих в нём процессов. По прошествии определённого промежутка времени в эволюционном развитии, помимо непрерывного информационного обогащения, субъект познания начинает оперировать уже имеющимся знанием для получения нового; разум здесь выступает в качестве первостепенного рычага ускорения эволюции.

А во-вторых, субъекту познания в процессе познавательной деятельности (ввиду собственного физиоморфологического и духовно-культурного развития) необходимо совершать переход от косно-заскоружлых реалий внешнего мира к качественно новому восприятию и освоению последнего, адаптируясь к актуальным его дефинициям, чтобы не дисгармонизировать процесс коэволюции.

Одна из составляющих коэволюции — эволюционный процесс познания, или «стрела истины» [9], летящая в *sancta sanctorum* — абсолютную истину; обретение её — стимул и лейтмотив эволюции. Познание же следует понимать как линейный кумулятивный процесс накопления относительных истин, совершающийся «под определяющим

воздействием практических, т.е. внешних для познания, факторов», и представляющий собой «единство попеременно сменяющих друг друга постепенного и резкого этапов движения к более полному знанию» [17, с. 137], или абсолютной истине.

Вторая составляющая — глобальная эволюция субъектов познания. Это нелинейно развивающийся процесс, в определённые периоды истории сопрягающийся со стрелой истины и обуславливающий, таким образом, те моменты эволюции, в которые происходят скачки субъектов познания на качественно новый уровень развития, как то: начало периода добиологической эволюции (исток генезиса коэволюции); переход от добиологической эволюции к биологической; далее к культурной; от культурной к духовной; и, наконец, достижение гипотетической цели (с оговоркой о допустимости её существования в коэволюции). На закате духовной эволюции субъект познания должен достичь апофеоза в своём развитии — абсолютную истину как место слияния двух эволюций, венец коэволюции. Примечательно, что данные рассуждения созвучны мыслям великого русского мыслителя и естествоиспытателя В. И. Вернадского, прозорливо отмечавшего, что представитель рода *Homo Sapiens* не является венцом акта творения и владельцем безупречного когнитивного аппарата, а только лишь «служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее» [1, с. 315].

Далее рассмотрим проблему истины в разрезе вышеуказанных этапов эволюции. Для интерпретации научных аспектов в рамках не только живой природы, но и духовно-культурной сферы социума в качестве универсального методологического инструмента применяется эволюционный подход, понимаемый как «интернациональный научно-философский форум» и выступающий как «результат действия ряда тенденций современного этапа познания: процессов дифференциации и интеграции ... науки и философии, ассимиляции наукой философских идей и, наоборот, философией — научных результатов, нарастания междисциплинарности, системности, историчности» [14].

Несколько слов о добиологическом этапе эволюции. Лауреат Нобелевской премии по химии (1967 г.), немецкий учёный М. Эйген в своих исследованиях пришёл к важнейшему выводу [2, с. 23-25]: основой, давшей старт добиологической эволюции, могло быть только вещество РНК. Примечательно, что, несмотря на отсутствие в водной среде клеточной структуры, уже на уровне функционирования отдельных циклов биохимических реакций

имел место дарвиновский естественный отбор: в первичном состоянии в гидросфере репликация нитей РНК происходила в условиях конкурирования различных по структурному составу молекул за одни и те же благоприятные ресурсы, что явственно указало на естественный отбор биологически развитых и экологически устойчивых модификаций РНК, впоследствии составивших базовую часть генетического аппарата живых организмов, став отправной точкой биологической эволюции. Следовательно, у истоков зарождения живого вещества в завуалированном виде уже стояла необходимость обладания истиной — знаниями о благоприятной среде и условиях развития вкупе с соответствующими ресурсами и механизмами для должного обеспечения и поддержания последующей эволюции.

Важно, что оформившаяся таким образом тенденция по исследованию природных процессов на молекулярном уровне как фундаментальном для познания легла в основу становления когнитивной биологии — аналитической теории, служащей научным «притоком» эволюционной эпистемологии, лейтмотив которой — «принцип минимальной сложности и утверждение, что познание уникальных черт и свойств жизни как процесса наиболее эффективно осуществимо при его изучении на максимально простейшем уровне протекания» [22, с. 51].

При рассмотрении биологической и культурной эволюций предположим, что в контексте первой происхождения когнитивных механизмов имеет биологические предпосылки, основанные на изучении физиологических возможностей. В рамках второй анализируется сам познавательный процесс, рассматриваемый сквозь призму культурно-исторической конъюнктуры, где, по мнению А. А. Горелова, «культура выступает как способ постижения истины, а жизнь — как способ утверждения её через становление индивидуального духа...» [5, с. 106]. Налицо результат устоявшейся в философии науки догмы: если человек — акт творения природы, т.е. результат биологической эволюции, стало быть, развитие когнитивно-когитальной сферы, формирующей духовный «ареал», подчиняется аналогичным эволюционным канонам — культурной эволюции.

Основные императивы биологической эволюции были заложены ещё в XIX в. Ч. Дарвином в ряде фундаментальных трудов, где высказывались идеи, будто процесс отбора и явление выживания в борьбе за существование послужили определяющим импульсом для возникновения и формирования мыслительно-сознательной и культурно-языковой составляющих индивида; и пусть, как патетично заявлял К. Поппер,

«значительная часть дарвинизма имеет характер не эмпирической теории, а является логическим трюизмом» [11, с. 74], тем не менее, когнитивно-когитальная сфера — уникальный атрибут человеческого мозга, неповторимые структуры которого суть следствие эволюции органического мира. При этом между субъектами познания и внешним миром, в силу онтогенеза, имеет место тесная связь; а между объективной действительностью и познавательной структурой, в силу филогенеза, — адекватное соответствие. Но почему когнитивные способности не максимально эффективны и не приводят на конкретном этапе эволюции к абсолютной истине? Ответ тривиален: ни биологическая адаптация, ни познание не могут быть столь идеальными, будучи лишь бесконечно стремящимися к такому состоянию, выступая иницирующим аспектом для последовательных переходов субъектов познания на новые эволюционные этапы.

В итоге получаем амбивалентность точек зрения. Из эволюционно-биологической детерминанты истины следует, что на промежуточных этапах эволюции конкретный субъект познания не в силах достичь наивысшего знания, или абсолютной истины: непосредственно доступно мгновенное откровение, относительная истина, актуальная лишь в хронологически детерминированный фрагмент истории — период жизнедеятельности организма. В то же время данная детерминанта «предлагает метатеоретические средства, с помощью которых возможно осуществление реальных улучшений в каждой области научного исследования» [24], как побудительные мотивы для перехода субъектов познания (в контексте глобальной эволюции) от биологического этапа развития на ступень культурной эволюции.

Если в поле зрения биологической эволюции попадают объективные закономерности развития органического мира, то ключевой нерв эволюции культурной — познавательная деятельность субъектов познания. Её эволюционный характер обусловлен вектором развития, острие которого направлено на многовековую адаптацию когнитивных структур как поэтапного освоения относительных истин по пути обретения абсолютной. Генезис культурной эволюции пролегает в русле постепенного усложнения составляющих познавательной деятельности по отношению к истине — от индивидуальной перцепции внешнего мира до формирования разнообразных научных гипотез и концепций. Отличительная черта такой эволюции — процесс получения истинного знания, обусловленный имманентными когнитивными структурами и механизмами

субъекта познания, принимающими более совершенные модификации под влиянием уже социокультурной адаптации.

В самоактуализации культурной эволюции ключевую роль играет процесс обучения, а именно — язык как лингвокультурологическая доминанта, «благодаря которому, — отмечает Г. И. Рузавин, — люди получают возможность обмениваться информацией, а тем самым “запускают” культурную эволюцию» [15, с. 19]. Если генетически опосредованная информация может транслироваться только потомству, то через лингвокоммуникацию обмен знаниями беспрепятственно осуществим между субъектами познания, адаптируя последних к константно изменяющемуся социокультурному окружению через актуализацию механизмов культурно-биологической эволюции. Отсюда — определённая корреляция между биологической и культурной эволюциями как ветвями глобального процесса индивидуального становления. Субъект познания, пройдя по указанным ступеням развития и, тем самым, закрепляя за собой статус биосоциального существа, должен осуществлять дальнейшую эволюционную программу, чтобы не нарушить процесс коэволюции. Иными словами — реализовать переход от культурной эволюции к духовной, претворить трансформацию из существа биосоциального в существо духовное. Паллиативом для осуществления перехода субъектом познания от культурной эволюции к эволюции духовной, трансформации из существа биосоциального в существо духовное — *Homo Spiritus* — выступает «стремление к духовному творчеству» как «попытка утвердить свой индивидуальный взгляд на мир» [3, с. 50]. Какие же обстоятельства стоят за этими процессами, являясь первостепенными рычагами для реализации в развитии качественного эволюционного скачка?

Во-первых, это социоприродная конъюнктура, создающая, с одной стороны, внешнюю сокрытость индивидуальной истины, препятствуя субъекту познания «прорваться» к ней, но, с другой, выступающая источником вспомогательных средств для созидания истины. Получается, социоприродное окружение оказывает на индивида двоякое влияние: либо сподвигает к переходу на более высокую ступень эволюционного развития, обогащая духовно-душевную сферу опытом выживания и адаптации, т.е. стремлениями к постижению абсолютной истины; либо увлекает в инволюционное русло, являя собой ложное знание — псевдоистины, что влечёт деградацию и моральную стагнацию личности, утрату социально-нравственных ориентиров и т.п. А во-вторых, это «нормальное развитие» организма, проистекающее в унисон с эволюцией истины, оправдывая эволюционный подход и устанавливая требования, которым

должен, эволюционируя, отвечать живой организм, чтобы перейти на качественно новую ступень развития, поскольку наряду с эволюцией субъектов познания происходит и эволюция истины, доподлинное становление которой возможно лишь в сфере духа.

Стало быть, биологическая эволюция — «нормальное развитие» в природе; духовная же — «нормальное развитие» человека, предполагающее как собственно интериоризацию (процесс образования и развития внутренних, когнитивно-когитальных структур психики, обусловливаемый усвоением аспектов внешней социокультурной деятельности), так и наследование приобретённых признаков вкупе со свойствами генетики. Следовательно, важнейшее условие для должной реализации этих направлений по пути обретения истины — существование в их рамках естественного отбора. Предполагая, что искусственный отбор и выведение новых пород животных продолжают и дополняют отбор естественный в природе, по аналогии можно утверждать, что научный отбор новых гипотез и теорий продолжает и дополняет механизм когнитивной эволюции живых организмов в отношении окружающей среды. Получается, эволюционная эпистемология представила эволюцию человеческого знания как высший этап универсального процесса роста знания всех организмов развивающейся живой природы, обусловленный механизмами естественного отбора.

Преемственный характер духовной эволюции в отношении культурной, биологической и, вероятно, добиологической даёт право утверждать: истина как один из основных продуктов духовной эволюции достижима в процессе эволюционно-когнитивной деятельности субъектов познания. Допуская, что человек — неслучайный обыватель планеты, а самобытная «веточка» единого «древа жизни» (пусть и «нет веских оснований полагать, что древо жизни являет истинную картину» [23, с. 34]), то надежды, что в нём как микрокосме находят своё адекватное отражение реалии макрокосма, оправданы. Сопряжённость же этапов эволюции субъектов познания находит отзвуки в сущности антропного принципа, исходя из которого Универсум как бы предполагает присутствие мыслящего существа, стремящегося к познанию аспектов как внешней, так и внутренней ниш жизни — осуществлению экстенсивной и интенсивной когнитивной деятельности, соответственно. Стало быть, человек — закономерный результат эволюционного развития жизни на Земле.

Несколько слов о соотношении отбора и истины как основополагающих концептов, впервые рассматриваемых в рамках одной научной концептосферы благодаря эволюционной эпистемологии. Естественный

отбор в большинстве случаев соответствует истине, и в этом они «конгениальны», имея в виду эволюцию в целом; доказать их тождество невозможно, хотя в целостности эволюции оно *de facto* имеет место быть. Но, переходя к конкретным системам, можно увидеть и контраст истины и отбора: последний тогда совпадает с истиной, когда система развивается в эволюционном направлении, а не инволюционном. В противном случае может наблюдаться антагонизм понятий.

Эволюция «сопряжена» с истиной, но не так с отбором, действие которого может пролегать в русле, противоположном магистральному пути эволюции. Поэтому успех и пригодность не эквивалентны истине, приводя к ней в случае эволюции системы, и уводя — при инволюции. «Приспособительный характер когнитивного аппарата ... состоит в том, что он способен схватывать объективные структуры “адекватно выживанию”», — отмечает Г. Фоллмер [19, с. 96], сводя вопрос о достижении истины к вопросу соответствия между выживанием и эволюцией. Лишь при положительном ответе на этот вопрос познание ведёт к истине: естественный отбор соответствует истине при условии «коллинеарности» между ним и магистральным направлением эволюции, что разводит пригодность и жизненный успех, с одной стороны, и истину, с другой. Примечательно: выживание есть атрибут как эволюционного, так и инволюционного направлений развития, но доподлинное самостановление субъекта познания возможно лишь при условии проистекания его жизнедеятельности в эволюционном ключе.

Существует предположение, что определённые механизмы формирования истинного знания выступают не только как результат естественного отбора, но и определяются биологической адаптацией. Возникает дилемма: насколько адекватно отбор, обусловленный ТЭ, способствует обретению истины субъектом познания, эволюционирующим когнитивно-физиологически? Здесь точки зрения поляризуются.

Исходя из одной позиции взглядов, естественный отбор формирует механизмы постижения истины относительной, т.к. не приводит к созиданию чего-либо абсолютно совершенного и не обеспечивает прямой адаптации организма к условиям окружающей среды. Т.е. принципы, лежащие в основе таких механизмов, — прерогатива относительной истины, а отбор — средство по её достижению. Следовательно, адекватность суждений и их относительная истинность исходят из имманентных познавательных стремлений к постижению внешнего мира. Согласно другой позиции взглядов, естественный отбор — гарант чёткой связи между абсолютной истиной и познавательными способностями,

дающий возможность обретения первой в процессе эволюции вторых. Поскольку субъект познания обладает информацией в принципе, значит, это наиболее способствует его общей адаптивности, ведущей, скорее, к формированию истинных воззрений, нежели ложных предубеждений. Следовательно, естественный отбор обуславливает превалирование истинного знания над ложным, а познавательные способности приводят к повышению качества адаптивности субъектов познания к объективной действительности (окружающей среде).

Немаловажно: заведомо ложные сведения о внешнем мире ставят под вопрос экзистенцию субъектов познания и реализацию репродуктивной программы последних в перспективе. Стало быть, конкурирующие живые организмы — обладатели истинного знания — будут иметь в данном аспекте неоспоримое преимущество перед своими визави: за определённый хронологический период естественный отбор «устранит» менее пригодных, как бы «предубеждённых» особей, актуализируя когнитивные мотивы у организмов, сохраняющих постоянство видовой популяции. А данные мотивы, в свою очередь, поспособствуют реализации установленных эпистемологических целей, вектор которых направлен на достижение абсолютной истины. Соответственно, в рамках внутри- и межгрупповой конфронтации истинное знание о внешнем мире есть важнейшая аксиологическая максима для выживания. Данная мысль находит своё подтверждение в двух созвучных мнениях из различных работ: отбор «выступает гарантом того, что большинство знаний организма являются истинными, а большинство его стратегий — рациональными» [25], а также, «если живое существо — продукт естественного отбора, то ... большинство его, существа, убеждений будут истинными, а способы формирования этих убеждений — рациональными» [21, с. 429]. Здесь на «арену» и выходит истина.

Допуская направленность эволюции когнитивного аппарата на выживание наиболее адаптированных субъектов познания, находим, что естественный отбор в аналогичном ключе выступает обосновывающим аргументом относительно возможности максимального приближения к истине, т.к. только обладающие преимущественно истинным знанием индивиды максимально приближены к идеалу человека, становясь таковыми в результате длительного процесса отбора. Иными словами, в рамках биологической эволюции, которая «должна отличаться от простого изменения..., обозначать возрастание сложности и гетерогенности» [13, с. 43] живого вещества, претерпевает структурную «реорганизацию»

и когнитивный аппарат. Следовательно, факт нашего активного жизнотворчества сегодня есть свидетельство, как минимум частичной, адекватности отражения субъективными когнитивно-когитальными структурами универсалий объективной действительности в виде репрезентаций и мыслеформ.

Генезис познавательных способностей ведёт к аккумуляции априорного знания и фиксации на уровне генетики для последующего извлечения посредством субъективно-ограниченного чувственного опыта с целью выживания во внешнем мире: любые врождённые ментальные составляющие, таким образом, есть результат долговременного протекания именно естественного отбора. При условии неадекватности вклада в субъективное представление о внешнем мире, обусловленного аспектом врождённости, данная «лепта» не составляла бы соответствующей ценности и не являлась результатом отбора. Хотя «тот факт, что эти вклады есть результат отбора, даёт нам некоторую уверенность, что они являются адекватным отображением бытия» [26, с. 793].

В таком контексте естественному отбору отведена роль селективного механизма: выживают те особи, которые обладают наиболее истинным знанием о внешнем мире и наиболее совершенным когнитивным аппаратом, позволяющим субъектам познания преодолевать новые рубежи на пути познания истины, и, тем самым, обеспечивать и поддерживать постоянство популяционно-видового (гено)фонда в перспективе.

Итак, имеет место триада: достижение истины — цель; естественный отбор — условие для достижения цели; а явление адаптации, вытекающее из отбора, — совокупность всех вышеуказанных механизмов, направленных на обретение истинного знания. Но если окружающая среда не предъявляет исключительных требований, то и не может существовать никаких признаков, как способствующих выживанию, так и представляющих ему угрозу; «в этом случае любой подход будет действенным. Но отсюда вытекает, что концепция адаптации утрачивает какой-либо смысл, в принципе» [27, с. 202]. Следовательно, введённая триада (ввиду методологической уязвимости одного из её аспектов) пребывает в тени условности.

Более того, естественный отбор, рассматриваемый применительно к социуму, может обуславливать эволюцию представителей последнего в направлении, диаметрально противоположном достижению истины. К. Лоренц показывает, что в развитии культуры, как и в развитии видов, главенствующую роль играет отбор, а не рациональное планирование [8, с. 450], что связывает истину с естественным

отбором, который не конституирует саму истину, но созидает гипотетические условия для её обретения, реализуемые при определённых обстоятельствах. Ведь «...истина — внутренний мир, который создают в себе одновременно с познанием его» [4, с. 49]. Таким образом, вопрос взаимообусловленности отбора и истины остаётся открытым в качестве предмета для дальнейшего философского дискурса.

Сходства и различия между естественным отбором и истиной стимулировали интерес к проблеме соотношения таких понятий, как «достоверность пригодности» и «достоверность истины».

Факт развития в течение длительного периода естественного отбора у отдельных особей, занимающих определённую биологическую нишу, познавательных способностей даёт основание полагать, что последним присуще важнейшее свойство — достоверность. Именно достоверные познавательные способности влекут увеличение адаптационного уровня организма, в отличие от недостоверных. Более того, повышение данного уровня также достигается при условии, если указанные способности приводят к формированию убеждений, достоверно порождающих набор специфических поведенческих черт, благоприятствующих жизнедеятельности субъектов познания (поиск средств пропитания и т.п.) и позволяющих превентивно «идентифицировать» потенциальную угрозу ей (избегание опасных хищников и т.д.). Т.к. залог выживания субъектов познания — истинность получаемого знания об окружающей среде, стало быть, сохранение и продолжение жизни возможно и реализуемо при условии адекватного усваивания максимально достоверной информации посредством акта приспособляемости. Иными словами, достоверность признака или свойства есть паллиатив истинности как качества последнего. Получается, человеческие познавательные способности и когнитивные механизмы являются достоверными в том смысле и до тех пор, в каком и покуда они способствуют формированию преимущественно истинного знания.

Из концепции эволюции следует, что установление определённого приоритета достоверных способностей перед недостоверными обусловлено тем обстоятельством, что познавательным способностям индивидов отвечает некоторая степень достоверности, интерпретируемая двояко.

Во-первых, в биологическом смысле: некий признак обладает достоверностью при условии, что последняя влечёт за собой повышение уровня пригодности организма. Назовём это достоверностью пригодности, понимая при этом под пригодностью эмпирически

обусловленную совокупность свойств организма, необходимых для осуществления жизнедеятельности и поддержания жизнестойкости последнего по отношению к факторам внешнего мира на протяжении всего периода существования и эволюции.

Во-вторых, познавательная способность является достоверностью истины в том случае, когда с определённой степенью достоверности способствует формированию истинных знаний. Следовательно, достоверность пригодности — атрибут признака, влекущего повышение уровня пригодности организма; достоверность истины — атрибут познавательных способностей, с определённой степенью достоверности содействующих формированию истинного знания.

Очевидно, что естественный отбор благоприятствует характерным признакам, повышающим приспособляемость организма, определяя достоверные познавательные способности как находящиеся над недостоверными, что, по существу, выступает лейтмотивом биологической эволюции. Но в то же время естественный отбор не даёт оснований полагать, что когнитивные способности являются однозначно либо истинно-достоверными, либо истинно-пригодными.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка рассмотрения истины как ключевого теоретико-познавательного концепта в контекстуальном ракурсе принципиально нового направления философии науки — эволюционной эпистемологии, по праву претендующей на лавры одной из самых многозначительных научно-философских теорий, в которой «познаваемость признаётся, но само познание понимается не как теоретическое освоение субъектом реальности, а как форма жизни, как взаимодействие организма и среды, а не субъекта и объекта» [20, с. 187].

Обусловливающим это аргументом, как отмечает И.П. Меркулов [10, с. 90], выступает тот факт, что данная теория оправдывает истинную ценность получаемого знания и представляет субъекта познания совокупно с ключевыми атрибутами последнего (восприятием, мышлением, сознанием, органами чувств, ЦНС, мозгом и его когнитивными состояниями) как результат биологической, когнитивной и культурной эволюций, как часть природной действительности. По существу, эволюционная эпистемология не только представила и обосновала биологическое развитие в виде процесса аккумуляирования информации (впоследствии воплощённой в особенностях и структурной сложности гено- и фенотипного строения субъектов познания), но и адекватно использовала модели естественного отбора

для інтерпретації еволюції когнитивної організації живих істот і розвитку знання в цілому.

Аналіз істини з позицій вузлових аспектів еволюційної епістемології, що володіє специфічною методологією в силу принципіального плюралізму науково-дослідницьких підходів, формує синкретичний, еволюційно-інтегративний триєдиний підхід, що дозволяє по-новому поглянути на проблему детермінації однієї з центральних універсалій теорії пізнання через біпрizmu природно-наукового і філософського знання.

Так, в ЕТП (першому базовому елементі еволюційної епістемології) особняком стоїть вивчення особливостей когнитивних механізмів живих істот шляхом екстраполяції біологічної ТЭ на їх фізіологічні структури, які виступають субстратами (або носіями) процесів пізнання, а саме: органи чуттів, нервна система і т.п.

В свою чергу, опорою ЕТН (другого фундаментального елемента) слугує потенційна можливість інтерпретації соціокультурної сфери суб'єкта пізнання (включаючи такі поняття, як ідея, гіпотеза, наукова теорія) з урахуванням мовних (лінгвокультурних) компонентів і моделей еволюційної біології. Немаловажний факт — тісна взаємозв'язок між вищезгаданими науковими напрямками, а також ідеологічний синкретизм підходів до розуміння істини; в частині, визнання: когнитивного релятивізму, принципу довіри суб'єкту пізнання, соціокультурної взаємозумовленості компонентів наукового тезауруса і т.д. Іншими словами, кожне з напрямків розпоряджається дійсною програмою, що формує певний погляд дослідника на проблему абсолютно і відносно істинного пізнання під особливим, аналітичним кутом зору.

Говорячи, нарешті, про ТЭ (третьому базовому елементі), важливо відзначити, що сучасне її розуміння, безсумнівно, складає головне, але не єдине конкретно-наукове ядро загальної еволюційної епістемології, виступаючи, скоріше, фундаментальним аспектом для міждисциплінарної інтеграції не тільки природнонаукового знання, але і гуманітарного профілю.

В цій зв'язі, помістив еволюційну епістемологію в площину інтеграції наукових сфер пізнання, у її основоположників є всі підстави вважати її своєрідним фундаментом, якщо вжити до слова А. В. Кезина, «як мост між генетичною і соціокультурною еволюцією» [6, с. 6], як зв'язуючу нитку між початками зародження істини і добіологічних передумов появи живої речовини — к

істини абсолютної і формуванню людини — духовного істоти.

І якщо «ціль життя — знайти і утвердити свою істину» [4, с. 52], то прагнення до отримання істини повинно бути об'єктом сильнішого імманентного стимулювання або невіддільно-непереможного інтересу, а бути може, чимось таким, що входить в емоційну сферу існування, а також відповідних аспектів буття, частково лежачих в основі людського призначення.

Бібліографічні посилання

1. Вернадський В. І. Біосфера і ноосфера / В. І. Вернадський ; передисл. Р. К. Баландина. — М. : Айрис-прес, 2004. — 576 с.
2. Волькенштейн М. В. Еволюція макромолекул і життя / М. В. Волькенштейн // Хімія і життя. — 1973. — №8. — С. 21–26.
3. Горелов А. А. Індивідуальність і еволюція / А. А. Горелов. — М. : ИФ РАН, 2006. — 162 с.
4. Горелов А. А. Істина і сенс / А. А. Горелов. — М. : ИФ РАН, 2010. — 147 с.
5. Горелов А. А. Практична філософія / А. А. Горелов. — М. : ООО «ИД Альянс», 2008. — 214 с.
6. Кезин А. В. Еволюційна епістемологія: сучасна міждисциплінарна парадигма / А. В. Кезин // Вестник Московського університету. — Сер. 7. Філософія. — 1994. — №5. — С. 3–10.
7. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основи синергетики: Людина, що будує себе і своє майбутнє / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. — М. : Книжний дім «ЛИБРОКОМ», 2011. — 264 с.
8. Лоренц К. Зворотня сторона дзеркала / К. Лоренц. — М. : Республіка, 1998. — 493 с.
9. Мамардашвілі М. К. Стріла пізнання. Набросок еволюційно-історичної гносеології. / М. К. Мамардашвілі ; під ред. Ю. П. Сенокосова. — М. : Школа «Язика російської культури», 1996. — 304 с.
10. Меркулов І. П. Епістемологія (когнітивно-еволюційний підхід) : в 2-х т. / І. П. Меркулов. — СПб. : Изд-во РХГА, 2006. — Т. 2. — 416 с.
11. Поппер К. Р. Об'єктивне знання. Еволюційний підхід. / пер. з англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовський. — М. : Едиторіал УРСС, 2002. — 384 с.
12. Поппер К. Р. Теоретико-пізнавальна позиція еволюційної теорії пізнання / К. Р. Поппер // Вестник Московського університету. — Сер. 7. Філософія. — 1994. — № 5. — С. 20–21.
13. Рассел Б. Людське пізнання: його сфера і межі / Б. Рассел // Гл. IV. Біологічна еволюція. — К. : Ника-Центр, 1997. — С. 41–48.
14. Ребенченко І. Г. Австро-німецька школа дослідження еволюції пізнання (передумови, проблеми, перспективи): дис.

... д-ра филос. наук / И. Г. Ребещенкова. – СПб., 2006. – 399 с.

15. Рузавин Г. И. Перспективы эволюционного подхода в эпистемологии науки / Г. И. Рузавин // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. XXIII. – № 1. – С. 17–33.

16. Тулмин Ст. Человеческое понимание. / Ст. Тулмин ; [пер. с англ. З.В. Кагановой ; общ. ред. и вступ. статья П.Е. Сивоконя]. – М., 1984. – 328 с.

17. Ухов А.Е. Представление истины как самоорганизующейся системы знания / А. Е. Ухов // Вест. Челябинского гос. ун-та. : Сер. философия и методология науки. 2008. – Вып. 8. – № 28 (129). – С. 137–142.

18. Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание / Г. Фоллмер // Вестник Московского университета. Философия. – М., 1994. – № 6. – С. 35–56 ; 1995. – № 1. – С. 27–47.

19. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. / Г. Фоллмер ; пер. с нем. и общ. ред. проф. А.В. Кезина. – М. : Русский Двор, 1998. – 320 с.

20. Черткова Е. Л. Эпистемология и логика: точки пересечения / Е. Л. Черткова // Эпистемология: новые горизонты. – М. : Канон-плюс, 2010. – 272 с.

21. Downes S.M. Truth, Selection and Scientific Inquiry / S.M. Downes // Biology and Philosophy. – 2000. – Vol. 15. – P. 425–442.

22. Kováč L. Fundamental principles of cognitive biology / L. Kováč // Evolution and Cognition. – 2000. – Vol. 6. – P. 51–69.

23. Lawton G. Uprooting Darwin's Tree / G. Lawton // New Scientist. – 2009. – Vol. 201. – P. 34–39.

24. McGettigan T. Anomaly Overload: An Evolutionary Theory of Truth [Электронный ресурс] / T. McGettigan // Theory & Science. – 2008. – 10 (1). – Режим доступа : <http://theoryandscience.icaap.org/content/vol10.1/McGettigan1.html> (дата обращения 15.01.2014).

25. Sage J. Two Senses of «Reliability» in Evolutionary Epistemology [Электронный ресурс] / J. Sage // 54th Northwest Conference on Philosophy (October 2002, Portland, OR). – P. 1-7. – Режим доступа : http://www.cc.utah.edu/~jas23960/james/sage_two_senses.pdf (дата обращения: 29.01.2014).

26. Stewart-Williams S. Innate ideas as a naturalistic source of metaphysical knowledge / S. Stewart-Williams // Biology and Philosophy. – 2005. – Vol. 20. – P. 791–814.

27. Vollmer G. New arguments in evolutionary epistemology / G. Vollmer // Ludus Vitalis. – 2004. – Vol. XII. – N 21. – P. 197–212.

Дрогунов С. В. Истина в еволюційній епістемології: триєдиний підхід до проблеми аналізу та інтерпретації.

Стаття присвячена істині як головному теоретико-пізнавальному концепту еволюційної епістемології — сучасного напрямку філософії науки, яке як точка злиття біологічного і духовного шляхів розвитку посприяло синтезу пізнання (духовної діяльності) і еволюції (способу становлення). Еволюційна епістемологія проливає світло на проблему детермінації істини з позиції теорії еволюції сукупно з такими аспектами (еволюція, природний добір, адаптація, придатність), єдність і діалектичність яких знайшли відображення не тільки у вітчизняній науковій літературі, а й англомовних працях, певний обсяг яких аналізується в справжній роботі. Пропоноване розуміння істини під триєдиним кутом зору дозволяє осмислити істину як у філософському, так і природно-науковому ключі.

Ключові слова: істина, еволюція, життя, суб'єкт пізнання, когнітивний апарат, природний відбір, достовірність, придатність, адаптація.

Drogunov S. The truth in evolutionary epistemology: triune approach to the problem of analysis and interpretation.

The article is devoted to the truth as one of the key epistemological concepts of evolutionary epistemology, which merged both biological and spiritual path of development and cognition (mental activity) and evolution (the way of becoming). Making excessive contributions to the well-established understanding of the truth, evolutionary epistemology, sheds light on the determination of the truth of the theory of evolution, along with such issues (evolution, natural selection, adaptation, availability), dialectical unity and which are reflected not only in Russian literature, but English-language works, a certain stratum of which is analyzed in this article. The proposed concept of truth by the triune perspective to reflect on the truth in philosophical and natural-science vein.

Keywords: truth, evolution, life, subject of cognition, cognitive apparatus, natural selection, reliability, availability, adaptation.

Надійшла до редколегії: 13.02.2014 р.